

ИСТОРИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

Шестакова Анна Григорьевна

аспирант

ФГБОУ ВПО «Саратовский государственный

университет им. Н.Г. Чернышевского»

г. Саратов, Саратовская область

СОДЕРЖАНИЕ ПОНЯТИЯ «ЦЕРКОВНЫЙ АВТОРИТЕТ» В ХРИСТИАНСКОЙ ЦЕРКВИ

Аннотация: сущность авторитета церкви – это, с одной стороны, краеугольная проблема эkkлeсиoлoгии. С другой стороны, она тесно связана с определением границ влияния церкви в обществе постмодерна. В статье анализируется философское и каноническое содержание авторитета церкви на примере православия и католичества. Автор приходит к выводу, что в православии понятие «авторитет церкви» обезличено, в то время как католицизм максимально развил понятие «духовный пастырь» и поднял его на небывалую высоту, фактически отождествив его с понятием «церковь».

Ключевые слова: церковный авторитет, духовный пастырь, православие, католичность, соборность, Римско-католическая церковь, ультрамонтанизм.

Одним из ключевых вопросов прошлой и современной истории христианской церкви является проблема содержания церковного авторитета. Этот далекий, на первый взгляд, от повседневных реалий вопрос на самом деле определяет и сугубо правовую юрисдикцию церкви, и границы ее моральной власти. В нем же содержатся зерна противоречий, которые сопровождают взаимоотношения церкви и общества на протяжении всего периода Новой и Новейшей истории. Таким образом, тема статьи актуализирована как в контексте собственно истории христианской церкви, так и в обще-цивилизационном контексте.

Приходится признать: вопрос о том, что церковь может и на что имеет право, далек от своего разрешения. Специалисты констатируют: «у нас до сих

пор нет еще всецело разработанного учения о церковном авторитете» [5, с. 80]. На наш взгляд, это объясняется многокомпонентностью проблемы, поскольку при анализе она раскладывается на множество составляющих.

Во-первых, авторитет церкви, в целом, тесно связан с авторитетом конкретных пастырей. Церковь как организация более всех других форм общественных объединений зависит от конкретных личностей, облеченных ее именем властью, духовной и/или светской. Если рассматривать церковь с рационалистической точки зрения, то ее власть зиждется во многом на личном общении конкретных священнослужителей с паствой – людьми. А это, в свою очередь, накладывает обязательства: огромное значение приобретает личность отдельного священнослужителя. Специфика работы церкви предъявляет к ее иерархам повышенные требования – в части морального облика, биографических данных, повседневного образа жизни и т.д. В Послании к Титу апостола Павла, в частности, описываются качества, которыми должен обладать настоящий христианский пастырь: «...если кто непорочен, муж одной жены, детей имеет верных... не дерзок, не гневлив, не пьяница, не бийца, не корыстолюбец, но страннлюбив, любящий добро, целомудрен, справедлив, благочестив, воздержан...» (Тит, 1: 6–8). Это – нравственная сторона исследуемого вопроса, имеющая непосредственное отношение к повседневности, что многократно усиливает актуализацию его рассмотрения.

Во-вторых, церковь как организация ежедневно взаимодействует с внешним миром: светским обществом в лице общественных объединений и т.д., государством в лице госучреждений, отдельных политиков. И поскольку в процессе этого общения церковь персонифицируется в конкретных иерархах, вопрос состоит в том, на каких основаниях эти отдельные священнослужители представляют ее интересы. В данном случае речь идет о юрисдикции, обусловленной каноническим правом. Это – юридическая плоскость проблемы церковного авторитета.

Но есть еще и третье измерение вопроса. На самом деле власть любой церкви обоснована не только и не столько правом, зафиксированным в юридических документах. Уникальность церкви в том, что свою власть она основывает на традиции, «неписаном законе». Нужно оговориться, что любое право, и светское в том числе, обосновывается контекстом, некой идеологией, которая в том или ином обществе является главенствующей, поскольку идеология есть отображение ценностной системы общества, «природы вещей» [6, с. 11], по выражению Ш. Монтескье. Однако, в отношении канонического права это общее свойство юриспруденции приобретает колоссальный масштаб, ведь в основе церковного христианского права лежит Священное Писание, то есть каноническое право христианства изначально базируется на «нематериальном», «мифологическом» источнике. Это обстоятельство часто вменяется в вину церкви и выступает аргументом ее противников в споре о границах ее влияния в современном мире.

Кроме этого, специфический характер возникновения христианства предопределяет особенное наполнение понятия «пастырь», имеющего наиболее всеобъемлющее содержание именно в христианской религии. Поэтому роль духовного лидерства в христианстве трудно переоценить. В свою очередь, религиозно-философский смысл христианского термина «пастырь» накладывает свой отпечаток на содержание понятия «церковный авторитет». Это придает проблеме церковного авторитета философское значение.

В Православном катехизисе авторства одного из крупнейших богословов XIX века святителя Филарета (Дроздова) (1782–1867) единственным главой Церкви назван Иисус Христос. Церковным авторитетом, и, соответственно, всей полнотой духовной власти, в православии обладает только сама Церковь, а не отдельные ее члены. Причем, Церковь трактуется в православном катехизисе не только как собрание верующих, но и как метафизическое понятие: «Церковь... не ограничивается никаким местом, ни временем, ни народом, но заключает в себе истинно верующих всех мест, времен и народов» [9]. Метафизика Церкви преобразуется в физику реального мира во время Вселенских Соборов, которые, согласно православию, являются единственными правомочными выразителями

воли Церкви и, следовательно, Иисуса Христа, как ее главы. В основе этого лежит православное представление о «соборности», или «кафоличности», как основном и необходимом свойством Церкви, если она является истинной, или хотя бы таковой именоваться.

Православная трактовка церковного авторитета сразу снимает апелляции к так называемому «человеческому фактору». То есть, минимизируется влияние отдельных личностей на жизнь Церкви, низводя даже апостолов до уровня «служителей» [9]. Тем самым нивелируется репутационная опасность для Церкви в случае неправомерных действий отдельных ее иерархов: все верующие, даже облеченные чинами, равны, все смертны, и на всех лежит грех, а это значит, что каждый имеет право на ошибку, но эта ошибка является его собственным, личным заблуждением, а не заблуждением всей Церкви.

В католицизме роли отдельных пастырей придается несравнимо большее значение: «Каждый епископ сам по себе является видимым началом и основанием единства в своей отдельной Церкви. Как таковые они исполняют свое пастырское правление над порученной им частью Народа Божия» [4, с. 222]. То есть, Церковь персонифицируется в отдельных ее лицах, причем эта персонификация происходит не просто естественным образом, как это происходит в православии в повседневной жизни, а зафиксирована на уровне официального документа.

Строго говоря, акцентирование внимания на духовных пастырях не является «изобретением» католицизма. Особый смысл института христианского пастыря подчеркнут в Евангелиях: «сеятель слово сеет» (Марк, 4: 14), «работник в винограднике [Господа]» (Матф., 20). Самим фактом упоминания пастырь выделялся из общей массы верующих, становясь как бы «доверенным лицом» Бога. Особый смысл института пастыря, предстоятеля на всех уровнях иерархии, является, таким образом, стержневым элементом христианства как религии. Однако, нетрудно увидеть и то, что акцент в Евангелиях делается не на светскую власть пастыря, а на его высокую духовную миссию. У евангелического термина «пастырь» – более философский смысл, нежели мирской.

И.С. Свенцицкая пишет, что изначально настоящим авторитетом в ранне-христианских общинах пользовались только учителя или пророки [8, с. 116]. К ним, по-видимому, и следует отнести вышеприведенные евангелические характеристики. Но со временем, когда количество верующих стало увеличиваться, появилась необходимость в людях, которые выполняли бы чисто административные функции: собирали взносы, распределяли помощь и т.д. Так появились пресвитеры и епископы. Буквальный перевод слова «пресвитер», одного из древнейших наименований священника в христианстве, подразумевал «первенство опыта» – по-гречески оно означало «старейшина, мудрец». В слове «епископ» (греч. «блюститель») имеется намек на возможность реализации лицом, поименованным таким образом, светских компетенций. По сути, это были старейшины, существование которых являлось естественным делом для всех общин, вне зависимости от религиозной принадлежности.

В связи с этим, уже в Посланиях апостола Павла начинает проявляться чисто житейский смысл понятия «пастырь». Теперь христианский пастырь – не только особый член общины, осиянный Даром Божиим, но и «хорошо управляющий домом своим... ибо, кто не умеет управлять собственным домом, тот будет ли пещись о Церкви Божией?» (1Тим., 3: 4–5). Кроме этого, апостолом Павлом подчеркивалось значение репутации кандидата в пастыри: «надлежит ему также иметь доброе свидетельство от внешних» (1Тим., 3: 7). Под «внешними», судя по всему, имелись в виду не-христиане. После смерти апостолов, с течением десятилетий, пророков, естественно, становилось все меньше и меньше, поэтому естественным образом происходило постепенное объединение «функций» пророков и пресвитеров-епископов: теперь последние ведали не только организационно-хозяйственными, но и вероучительными делами.

Позже, в католичестве, такая трактовка понятия духовного лидера получила значительное развитие. Самыми яркими примерами этому являются знаменитый «Диктат папы» (1075), обосновавший приоритет римского первосвященника перед светскими правителями, а также булла «Unam Sanctam» (1302), провозгласившая теорию «двух мечей» в руках папы, воплощавших в себе духовную и

светскую власть: «каждое человеческое существо является подданным римского понтифика» [2].

Власть папы римского особо подчеркнута и в Катехизисе Римско-католической церкви: «Римский Первосвященник имеет над Церковью, в силу своей должности наместника Христа и пастыря всей Церкви, полную, верховную и вселенскую власть, которую он вправе всегда свободно осуществлять» [4, с. 221]. И если в православии оговорен примат Соборов над авторитетом предстоятеля, то в Римско-католической церкви обратная ситуация: «Коллегия Епископов обладает властью не иначе, как в единении с Римским Первосвященником в качестве главы. Как таковая эта Коллегия является носителем также верховной и полной власти над всей Церковью, но власти, которая не может осуществляться иначе как с согласия Римского Первосвященника. <...> Нет Вселенского Собора, если он не утвержден как таковой или, по крайней мере, не одобрен преемником Петра» [4, с. 222]. Власть римского понтифика, и духовная и светская, в контексте вышеприведенных документов, предстает почти абсолютной.

Неслучайным представляется и тот факт, что именно в католицизме появилось и получило развитие религиозно-философское течение «ультрамонтанизм». Ультрамонтанизм традиционно рассматривается как учение об авторитете римского первосвященника и, шире, Римско-католической церкви. Согласно определению, данному известным богословом и историком церкви XIX века Ф.К. Краусом (1840–1901), ультрамонтанист ставит идею церкви как организации над собственно религиозным содержанием церкви и смешивает понятия «церковь» и «папа» [1, р. 100]. Смещение этих понятий делает содержание термина «церковный авторитет» практически идентичным содержанию термина «римский понтифик». Апофеозом ультрамонтанизма является знаменитый догмат о непогрешимости папы римского *ex cathedra*, принятый в 1870 году на Первом Ватиканском соборе, который провозглашал безошибочность римского понтифика, когда он исполняет «свои обязанности учителя и пастыря всех христиан» [7]. Под «безошибочностью» (*infallibilitas*) подразумевалась особая боговдохновенность, да-

рованная Господом папе, как предстоятелю Церкви, именно в этот момент. Православные богословы видят в этом посягательство на прерогативы, которые должны, по их мнению, принадлежать только Христу как Главе Церкви [3, с. 58], поэтому догмат о безошибочности папы римского *ex cathedra* является одним из камней преткновения в общении этих двух ветвей христианства.

Резюмируя, в православном христианстве понятие «авторитет церкви» наиболее обезличено, по сравнению с католицизмом. В западном христианстве, напротив, проблема авторитета церкви так или иначе сводится к вопросу авторитета духовного лидера, а конкретно: римского первосвященника. Столь отчетливая персонификация, на наш взгляд, может объясняться, в числе прочего, специфическими социально-политическими условиями, в которых существовала западная церковь: на протяжении веков римский понтификат должен был отстаивать свой суверенитет в борьбе со светскими правителями, что, возможно, и повлияло в определенной степени на формирование своеобразия понятия «церковный авторитет» в католичестве. Одним из конкретных выражений этого стало ультрамонтанское учение, достигшее пика своего развития в 1870-м году, когда был принят догмат о непогрешимости папы римского *ex cathedra*.

Список литературы

1. Hauviller E. Franz Xaver Kraus: ein Lebensbild aus der Zeit des Reformkatholizismus mit drei Autotypien und einem Anhang unveröffentlicher Briefe, Gedichte und kirchenpolitischer Schriftstücke zweite Ausgabe. – München: J.F. Lehmann's Verlag, 1905.

2. Unam Sanctam. Bull of Pope Boniface VIII promulgated November 18, 1302 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.papalencyclicals.net/Bon08/B8unam.htm>

3. Белейканич, И. Католический Катехизис с точки зрения православного богословия (Сравнительное богословие) [Текст] – К.: Пролог, 2008. – 122 с.

4. Катехизис Католической Церкви [Текст]. – 4-ое изд. – М.: Культурный центр «Духовная библиотека», 2001. – 814 с.

5. Кристиан Р. Некоторые соображения о церковном авторитете в Римо-католической церкви // Вестник ПСТГУ: Богословие. Философия. – 2010. – Вып. 1 (29). – С. 79–94.
6. Монтескье Ш. О духе законов [Текст]. – М.: Мысль, 1999. – 673 с.
7. Первый Ватиканский Собор. Догматическая Конституция «Pastor Aeternus» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.apologia.ru/articles/25/>
8. Свенцицкая И.С. Раннее христианство: страницы истории [Текст]. – М.: Политиздат, 1989. – 336 с.
9. Святитель Филарет (Дроздов). Пространный Православный Катехизис Православной Кафолической Восточной Церкви [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://azbyka.ru/otechnik/Filaret_Moskovskij/prostrannyj-pravoslavnyj-katekhizis/2_11